

Владимир Борисович ИСАКОВ,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации

ГКЧП НАЧИНАЕТ И... ПРОИГРЫВАЕТ Дневниковые записи и документы¹

Сегодня, когда события 1991 года стали историей, они освещаются и представляются по-разному. Одни авторы выделяют и подчеркивают в них негативные стороны, другие – стремятся покрыть хрестоматийным гляncем. Представляю читателю свои дневниковые записи августа 1991 года, сделанные непосредственно по следам происходящих событий².

12 августа 1991 года. Президент РСФСР Б.Н. Ельцин официально представил в Верховный Совет РСФСР текст Союзного договора. Документ назван «проектом», он еще не обсужден и никем не утвержден, но по всем средствам массовой информации объявлено, что подписание Договора состоится в Кремле 20 августа.

Документ

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РСФСР.

В соответствии с постановлением Верховного Совета РСФСР от 5 июля 1991 года № 1548-1 представляю про-

-
1. В августе 1991 года автор был народным депутатом РСФСР, Председателем Совета Республики Верховного Совета РСФСР.
  2. В данной редакции сделаны небольшие сокращения и редакционные правки технического характера, не меняющие сути описываемых событий и отношения к ним автора. В полном объеме с дневниковыми записями можно познакомиться по изданию: *Исаков В.Б.* Госпереворот. Парламентские дневники 1992-1993 гг. Первое издание: М.: Палей, 1995. Второе издание: Екатеринбург: Уральский рабочий, 1997.

ект Договора о Союзе Суверенных Государств, который будет открыт для подписания 20 августа 1991 года.

Б. Ельцин, 10 августа 1991 года

Знакомство с текстом Договора ошеломляет: он значительно хуже того варианта, который обсуждался и был завизирован мной и Р. Абдулатиповым в Морозовке. Исчезло понятие общесоюзной собственности. В отношении общесоюзных налогов – неясная туманная формулировка. Нет предложений о механизме реализации Договора: согласно постановлению Верховного Совета РСФСР от 5 июля 1991 г. они обязательны. И самое сногшибательное: после подписания Договора прекращают свое действие Конституция СССР и в значительной части – Конституция РСФСР! В статье 1 Договора записано: «Отношения между государствами, одно из которых входит в состав другого, регулируются договорами между ними, Конституцией государства, в которое оно входит, и Конституцией СССР. В РСФСР – федеративным или иным договором, Конституцией СССР».

Куда исчезла Конституция РСФСР? Первая мысль, что это – опечатка, ошибка. Но в таких документах не бывает ошибок. Стало быть, ликвидация Конституции РСФСР, по крайней мере, ее раздела о национально-государственном устройстве, – сознательное политическое решение. Трудно себе представить какой политический и правовой беспредел вызовет одновременное падение двух Конституций. Но авторы проекта Договора сознательно на это идут... Собрались в кабинете Б. М. Исаева. Что делать? Хасбулатова на месте нет – он отдыхает в Сочи. К телефону правительственной связи никто не подходит.

13 августа. Позвонил из Сочи Хасбулатов, разговаривал с Б. Исаевым. Приказал текст Договора размножить и раздать депутатам для ознакомления. Больше ничего не предпринимать до его приезда. Депутаты, находящиеся в Москве, несмо-

тря на отсутствие официальных заседаний, собираются, развивают бурную деятельность, готовят заявления для печати.

Документ

Широко объявлено, что 20 августа Вы собираетесь от имени России подписать новый Союзный договор, призванный на необозримо длительный срок предопределить судьбу народов нашей страны. Между тем текст договора в той редакции, в какой он будет подписан, неизвестен населению России. Прежний же текст, готовившийся втайне и не подвергнутый до сих пор сколько-нибудь обстоятельному обсуждению ни в печати, ни на сессии Верховного Совета, на наш взгляд, неудовлетворителен. Он заключает в себе много неясностей, недомолвок и противоречий, недопустимых в документе, требующем абсолютно однозначного толкования...

Мы считаем, что, не ознакомив с окончательной редакцией договора население Российской Федерации и не представив ему убедительного ответа на все эти вопросы, президент РСФСР не может подписывать Союзный договор. Более того, никто не вправе на десятилетия вперед решать судьбу народов, не получив их ясно выраженного согласия на это. Кардинальные условия, на которых Россия готова будет вступить в новый Союз, должны быть, по нашему мнению, вынесены на всероссийский референдум.

Из обращения к Президенту России Б.Н. Ельцину
Ю. Афанасьева, Л. Тимофеева, Л. Баткина,
В. Иванова, Ю. Буртина, В. Библера, Е. Боннэр
(«Независимая газета», 8 августа 1991 г.)

15 августа. По-видимому, обеспокоенный негативной реакцией общественного мнения, Б. Н. Ельцин прислал в Верховный Совет РСФСР письмо о работе, проведенной по доработке и согласованию Договора о Союзе Суверенных Государств: «Исходя из требований Верховного Совета РСФСР в

процессе доработки проект Договора претерпел существенные изменения в интересах Российской Федерации и республик в составе РСФСР... Установление режима пограничной зоны отнесено в сферу совместного ведения... Согласован порядок установления единых налогов и сборов, что позволит взять под контроль расходы союзного бюджета... Предусмотрено формирование союзных органов через совместные и согласительные процедуры... Вместе с тем, и это закономерно, многие положения проекта Союзного договора отражают сложный процесс достижения взаимных компромиссов. Направляется в порядке информации».

В своем письме Б. Ельцин называет Союзный договор проектом и вместе с тем обходит молчанием, что согласно Конституции РСФСР, решениям Съезда народных депутатов РСФСР, согласно самому проекту Договора о ССГ (статья 23), он должен быть предварительно одобрен высшими органами власти государства, поскольку вступает в силу с момента его подписания полномочными делегациями. Созыва Верховного Совета, Съезда народных депутатов Б. Н. Ельцин не требует, да и сроки до подписания практически это исключают. Важнейший, судьбоносный вопрос государственного устройства России пытаются решить в обход представительных органов власти!

Документ

Мы ознакомились с представленным 10 августа Президентом РСФСР проектом Договора о Союзе Суверенных Государств. Считаем, что его нельзя подписывать 20 августа...

В статье 1 договора предусматривается, что отношения между государствами в РСФСР в отличие от других союзных республик регулируются «Федеративным или иным договором, Конституцией СССР», что противоречит действующей Конституции РСФСР и фактически ее исключает...

Перед подписанием и вступлением в силу договор должен быть одобрен высшим органом государственной власти – Съездом народных депутатов РСФСР...

Обращаем внимание и на то, что ряд положений договора требует внесения изменений в действующую Конституцию РСФСР, а это, как известно, можно сделать только на Съезде народных депутатов РСФСР.

Из заявления Е. Басина, Е. Лаховой,
С. Филатова, О. Качанова
и других народных депутатов РСФСР
(«Российская газета», 17 августа 1991 г.)

15 августа (продолжение). Депутаты, находящиеся в Москве, звонят, заходят в кабинет, требуют «принять хоть какие-нибудь меры». В разговоре выясняется, что неприятие проекта Союзного договора имеет под собой разные, подчас противоположные, основания. Для одних он – «слабый, разваливающий Союз», для других – «диктаторский, ущемляющий суверенитет». Но практически всех возмущает вызывающая форма его заключения – без обсуждения на парламенте, по существу, по единоличному решению Б. Н. Ельцина. Послал телеграмму Р. Хасбулатову с предложением создать съездовскую комиссию по подготовке к заключению Союзного договора (была образована на втором Съезде). Ответа не получил.

Документ

...Неприятные чувства вызывает и тот факт, что документ до последнего времени хранился в тайне. Такие отношения с обществом были нормой когда-то, в какой-то мере они свойственны сегодня Кремлю, но очень неожиданны со стороны российского руководства. Это вызывает законный протест со стороны общественности, партий и движений. В конце концов каждый из нас вправе знать проект дома, в который нас пригла-

шают жить... Из хаоса действительно возникает порядок, но он может иметь цвет полевой формы...

Из заявления редактора «Российской газеты»
В. Логунова
(«Российская газета», 17 августа 1991 г.)

16 августа. Вместе с Б. Исаевым, который остался старшим «на хозяйстве», решили на свой страх и риск созвать телеграммой членов съездовской комиссии и членов Президиума Верховного Совета в Москву. Дополнительно я направил письмо в ТАСС и Гостелерадио с просьбой передать сообщение по всем каналам информации. Заседание комиссии решили провести 19 августа в 10 часов с одним вопросом: проект Союзного договора, представленный Президентом Российской Федерации.

Документ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА
от 15 августа 1991 года

Членам комиссии Съезда народных депутатов РСФСР по разработке предложений к проекту Союзного договора. Членам Президиума Верховного Совета РСФСР. 19 августа в 10 часов в зале Совета Национальностей состоится заседание комиссии Съезда по разработке предложений к проекту Союзного Договора. Приглашаем Вас на заседание комиссии.

Заместитель председателя
Верховного Совета РСФСР Исаев
Председатель Совета Республики
Верховного Совета РСФСР Исаков

17 августа. Реакция Р. Хасбулатова в пятницу (передана по телефону через помощника): комиссия не действует, зачем созвали? Реакция Р. Хасбулатова в субботу после прилета из Сочи: комиссию созвали правильно, руководить заседанием буду я, Хасбулатов.

19 августа (записываю задним числом). Жена Галя и старший сын Данила уехали в Свердловск навестить деда с бабушкой, а я остался с младшими, Лизой и Александрой, в доме отдыха «Десна». Погуляли по желтеющему лесу, покатались на лодке. Утром по радио сообщение: введено чрезвычайное положение, создан ГКЧП. Договорился с соседями по корпусу, что они присмотрят за детьми, оставил им на всякий случай свой свердловский адрес и телефон, и помчался в Москву.

Машина пришла, как было заказано, к восьми. На выезде из Дома отдыха встретили автобус, битком набитый вооруженными солдатами в камуфляже – он шел нам навстречу – но спокойно разминулись, нас не остановили.

Неяркий осенний солнечный день. Внешне все спокойно. На автобусных остановках люди ждут транспорт, чтобы отправиться на работу. Уличное движение – в норме. Только при подъезде к Москве, в районе кольцевой дороги, увидел колонну танков и БТР, машин 10-12, стоявших на обочине.

На Кутузовском проспекте притормозили: если Верховный Совет захвачен, то какой смысл ехать в ловушку? Снял трубку радиотелефона, набрал номер своего секретариата. Ответил руководитель секретариата Вячеслав Загуляев: у нас все спокойно, приезжайте.

Подъезжая к Дому Советов, попросил шофера проехать вокруг. Тихо, пустынно. В подъездах через стекло видна охрана – 1-2 дежурных милиционера. Заметив, что какая-то машина идет необычным маршрутом – объезжает здание – забеспокоились, завылгивали, начали звонить по телефонам. Видимо, тоже нервы на пределе – ждут дальнейшего развития «событий». Мелькнула мысль: если нас действительно собираются штурмовать, то лучшего времени не придумаешь.

Около 10 часов дня. Все депутаты, которые находились в здании Белого Дома, собрались в зале Президиума Верхов-

ного Совета. Заседание открыл А. Руцкой. Томительная пауза. Наконец, появился Р. Хасбулатов, который прибыл вместе с И. Силаевым из Архангельского.

Документ (стенограмма заседания):

Р. Хасбулатов: Уважаемые товарищи! Вы знаете о событиях, которые произошли ночью. Мы с Президентом и премьер-министром с 6 часов работаем, обсуждая, анализируя эту ситуацию, связались со многими нашими регионами, крупными республиками, с крупными городами. Борис Николаевич пытался связаться с Президентом страны Горбачевым, его в Москве нет, нам сообщили, что он отдыхает в Форосе. Дозвонились до Фороса, но нам сказали, что он отдыхает и просили не беспокоить. Борис Николаевич пытался связаться с Янаевым, там сообщили о том, что он всю ночь очень интенсивно работал, прилег спать и просил не беспокоить. Вот такая ситуация.

Мы подготовили письмо или Обращение к гражданам России. Я хотел бы вам его зачитать, оно еще в рукописном виде. Как только я его зачитаю, потом попрошу размножить и передам прессе и членам Президиума.

Затем Хасбулатов зачитал Обращение трех руководителей, в котором признал незаконным пришедший к власти так называемый «комитет» и объявил незаконными все его решения на территории РСФСР. Необходимо обеспечить Президенту страны Горбачеву возможность выступить перед народом... Немедленно созвать чрезвычайный Съезд народных депутатов СССР... В конце заявления содержалось обращение к военнослужащим «проявить высокую гражданскую ответственность и не принимать участия в реакционном перевороте», а также призыв к всеобщей бессрочной забастовке.

Документ

К ГРАЖДАНАМ РОССИИ

В ночь с 18 на 19 августа 1991 года отстранен от власти законно избранный Президент страны. Какими бы причинами не оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым, реакционным, антиконституционным переворотом.

При всех трудностях и тяжелейших испытаниях, переживаемых народом, демократический процесс в стране приобретает все более глубокий размах, необратимый характер. Народы России становятся хозяевами своей судьбы. Существенно ограничены бесконтрольные права неконституционных органов, включая партийные. Руководство России заняло решительную позицию по Союзному договору, стремясь к единству Советского Союза, единству России. Наша позиция по этому вопросу позволила существенно ускорить подготовку этого Договора, согласовать его со всеми республиками и определить дату его подписания – 20 августа с. г.

Такое развитие событий вызвало озлобление реакционных сил, толкало их на безответственные, авантюристические попытки решения сложнейших политических и экономических проблем силовыми методами. Ранее уже предпринимались попытки осуществления переворота.

Мы считали и считаем, что силовые методы неприемлемы. Они дискредитируют СССР перед всем миром, подрывают наш престиж в мировом сообществе, возвращают нас к эпохе холодной войны и изоляции Советского Союза от мирового сообщества.

Все это заставляет нас объявить незаконным пришедший к власти так называемый комитет. Соответственно, объявляем незаконными все решения и распоряжения этого так называемого комитета.

Уверены, органы местной власти будут неукоснительно следовать конституционным Законам и Указам Президента РСФСР.

Призываем граждан России дать достойный ответ путчистам и требовать вернуть страну к нормальному конституционному развитию.

Безусловно необходимо обеспечить возможность Президенту страны ГОРБАЧЕВУ выступить перед народом. Требуем немедленного созыва Чрезвычайного Съезда народных депутатов СССР.

Мы абсолютно уверены, что наши соотечественники не дадут утвердиться произволу и беззаконию потерявших всякий стыд и совесть путчистов. Обращаемся к военнослужащим с призывом проявить высокую гражданственность и не принимать участия в реакционном перевороте.

До выполнения этих требований призываем к всеобщей бессрочной забастовке.

Не сомневаемся, что мировое сообщество даст объективную оценку циничной попытке правого переворота.

Президент РСФСР Б. Н. Ельцин
Председатель СМ РСФСР И. С. Силаев
И.о. Председателя Верховного Совета РСФСР
Р.И. Хасбулатов

19 августа 1991 года, 9-00 утра
(Цитируется по тексту листовки)

После выступления Хасбулатова Б. Исаев предложил обсудить заявление и наши дальнейшие действия на закрытом заседании Президиума. Р. Хасбулатов раздраженно отреагировал: «Никаких закрытых! Переворот объявлен разве закрытый? О чем вы говорите? Никаких закрытых!» Я оглянулся: зал Президиума переполнен – депутаты, пресса, работники Верховного Совета. Каждое слово фиксируется батареями видеокамер.

В. Лукин, председатель комитета по международным делам, предложил проект постановления из двух пунктов: 21 августа – собрать внеочередную сессию Верховного Совета, 23 августа – внеочередной Съезд народных депутатов РСФСР.

Р. Хасбулатов второй пункт не поддержал: «Внеочередной Съезд народных депутатов 23 августа вряд ли целесообразно проводить, товарищи. Вообще-то ведь не место. Вы посмо-

трите, какое тяжелейшее сейчас положение в народном хозяйстве. Сейчас, естественно, начнутся забастовки. Они и так начались бы, это однозначно. И в этих условиях путчисты обрекают народное хозяйство на глубочайший упадок. Это ведь надо понимать. Поэтому то, что мы созовем Съезд, это тоже очень существенный урон для народного хозяйства. Поэтому, наверное, созывать Съезд нецелесообразно...»

Второй пункт решили исключить и одновременно – усилить вводную часть, в которой дать политическую и правовую оценку действий союзного руководства как «реакционного переворота» и «государственного преступления». Проголосовали. Против двое: Б. Исаев и я, Ю. Воронин – воздержался. Формально решение не принято – не хватило голосов.

Р. Хасбулатов грубо напустился на Б. Исаева: «Казалось бы, что такой вопрос, где должно быть единство и то нет. Просто странно, Борис Михайлович, ваша позиция. Ну что значит «формулировка»? Взяли и отстранили Горбачева. Что значит «разобраться»? Что с вами «поработали» опять?»

С другого конца стола подал голос В. А. Югин: «Поскольку это будет очень интересно, мне кажется, те товарищи, члены Президиума, которые сегодня проголосовали против этого постановления и обращения, мне кажется, интересно было бы их просто послушать. Может быть, они и есть члены того будущего «Комитета»? Это очень интересно, потому что это уже позиция...»

Принимается решение недостающие подписи собрать телеграммами. Завершая заседание, Р. Хасбулатов вспомнил о созданной нами комиссии по подготовке Союзного договора.

Документ (стенограмма заседания):

«Р. Хасбулатов: Товарищи, на этом давайте закончим. Но прежде чем закончить, хочу сказать вот что депутатам, которые приехали по Союзному договору.

Во-первых, хотел бы сказать, что комиссии Съезда по Союзному договору у нас нет. Она прекратила свое существование на третьем Съезде после моего доклада, когда Съезд поручил Верховному Совету довести это дело до конца и скорейшим образом завершить и подписать, и т.д. И даже помните, на прямой вопрос одного из депутатов ко мне как докладчику: «А что с комиссией?» – я сказал: «Так позвольте, комиссия на этом закончила свою работу. Спасибо». Было так? Было.

Поэтому то, что созвали, депутаты здесь оказались, это, может быть, даже лучше. Но в принципе не надо нам пытаться возрождать те органы, которые у нас не существуют.

Но сейчас, кстати, по Союзному договору одновременно, хочу сказать: вы знаете, почему, собственно, государственный переворот совершен? Потому что двадцатого объявлено было начало его парафирования, подписания и т.д. Правильно? Следовательно, надо было поторопиться. Одна из причин, я хочу сказать, особенно, может быть, это будет интересно для республик, как раз заключается в том, что там слишком много всего дано республикам и поэтому сейчас будут погибать палки именно вот в этом смысле...

Я неоднократно выступал в печати, но все-таки подавлять такими силовыми методами республики – это в общем-то действительно реакционное явление и, наверное, не самый лучший метод, отнюдь не метод подлинного решения, национальных проблем. Вот здесь тоже один из сильнейших аспектов той политики, которая сейчас навязывается. Это я специально говорю с тем, чтобы дать информацию».

Закрыв заседание, Р. Хасбулатов попросил остаться только членов Президиума Верховного Совета РСФСР. В узком кругу, без прессы и телевидения, он решил дать слово тем, кто не поддержал позицию руководства: какие у вас аргументы, говорите! Первым получил слово Борис Михайлович Исаев.

Документ (стенограмма заседания):

Б. Исаев: Уважаемые члены Президиума! Действительно переломный момент: обнищание народа, идут, разворачиваются непредсказуемые события в нашем обществе. Оценки, которые сегодня дает народ нашей бездеятельности, тоже, наверное, уже слышали – и что мы натворили, и каких законов напринали! Противостояние в обществе достигло уже крайности и сегодня призывать к проведению забастовочного движения по стране – развалить окончательно экономику. По существу, мы сегодня призываем к гражданской войне. Гражданская война может быть! (Шум, голоса).

Р. Хасбулатов: Да не об этом идет речь!

Б. Исаев: ...У меня тоже душа болит и за работу, и за Россию. Я ни каких-то крайних взглядов придерживаюсь в своей жизни. Я стою на позиции твердой – проводить работу. Я не против экономической самостоятельности, но вот Договор союзный, который подготовлен – он же антиконституционный договор! Если не сегодняшний переворот, то был бы переворот в другое время.

Вот почему мы и собрались сегодня – представители комиссии, организованной Съездом для предварительной подготовки к подписанию Союзного договора. Этот Договор вызывает всеобщее возмущение, он взрывает общество. И наша оценка – никакого Союза не будет при таком Договоре, который подготовлен для подписания. Вот моя позиция.

Затем слово предоставили мне.

В. Исаков: Отвечая на ваш упрек, Руслан Имранович, должен сказать, что как и вы я избран избирателями и чувствую свою ответственность перед ними. Мы здесь не волейбольная команда, чтобы играть с другими через сетку.

Я голосовал против. Почему? Я считаю, что действия Союзного руководства, конечно же, неконститу-

ционны, их вполне можно назвать переворотом. Но это ответ на тот переворот, который должен был произойти завтра. Сегодня мы встали горой на защиту союзной и российской Конституции, но не совсем ясно – от кого их защищать? И когда произошел переворот – он сегодня произошел или он вчера произошел? Поэтому ни в коей мере не считая законными действия союзного руководства, я понимаю – да и Руслан Имранович об этом сказал – что это была реакция на тот переворот, который должен был произойти завтра. Это первый момент.

Второй. Я считаю, что при всей сложности возникшей ситуации, нужно видеть, что она – результат и нашей собственной деятельности, что мы тоже несем свою долю ответственности за возникшую ситуацию. Союзный договор подготовлен двумя сторонами и нет нужды напоминать, когда идут такие грубейшие нарушения законности и Конституции, произошел этот процесс, что органы конституционной власти России оказались по сути дела в стороне от этого судьбоносного документа. Ответственность должна лечь и на российское руководство, и на меня как полномочного представителя России по Союзному договору – с меня этого статуса никто не снимал. Я тоже отвечаю за это.

С. Шахрай: Тем более, что ваш текст почти не изменил этого Договора.

В. Исаков: Это другой вопрос, изменил или нет. По-моему, там достаточно много изменений, чтобы считать этот документ антиконституционным. (Шум в зале). Минуточку, я выскажу свою точку зрения, а потом отвечу на вопросы, которые есть.

Как в этой ситуации, мне кажется, надо поступить? Да, ситуация сложнейшая, очень неоднозначная. Но мне кажется, худший вариант в этой ситуации – вывести народ на улицы, поднимать ту истерику, которую мы сейчас пытаемся поднять, призывать народ к забастовкам. Мы – конституционная власть и должны чувствовать себя конституционной властью, нас никто этого не лишает.

Я считаю, что в этой ситуации мы должны исходить вот из чего, вот так вопрос ставить: что нам дороже – наша собственная власть или жизнь тех людей, которых вытолкнут на улицы наши политические заявления. Действительно выйдут, и кровь может пролиться. И всю ответственность мы опять будем возлагать на союзное руководство.

Р. Хасбулатов: Нет, не на союзное.

В. Исаков: Я высказываю в данном случае свою точку зрения. Поэтому я считаю, что в данной ситуации нужно проявить максимум сдержанности и не выталкивать людей на улицы, не призывать к забастовкам. Борис Михайлович здесь экономический аспект отметил. Я буду до конца жизни своей чувствовать себя преступником, если сегодня, завтра погибнут люди, чувствовать свою вину перед ними.

Поэтому, я считаю, что Верховный Совет, Президиум Верховного Совета должны опубликовать более сдержанное по тону заявление, не упоминая таких терминов, как «путч». Но в этом заявлении должно быть совершенно четко сказано, что действия союзного руководства выходят за рамки Конституции. (Шум в зале).

Р. Хасбулатов: Пусть скажет, не перебивайте.

В. Исаков: Первое – заявить, что действия союзного руководства неконституционны, вышли за рамки Конституции. Я считаю, что это так.

Второе – что возникшую ситуацию необходимо немедленно поставить на конституционную основу, создать конституционную основу для ее разрешения. Каким образом? Необходимо заявление по данному вопросу – с ним должен выступить Президент Союза ССР, потому что я не могу считать конституционными действия, когда вице-президент заявляет о том, что по состоянию здоровья Президент СССР не способен справиться с обязанностями. Пусть об этом скажет сам Президент.

Должны быть созваны высшие конституционные органы власти СССР, которые (только они) по Конституции могут принять решение о чрезвычайном положении – причем созвать их наиболее оперативно, в сжатые сроки.

И последнее. Должен быть созван Съезд народных депутатов СССР, который должен, как высший орган власти Союза ССР...

Р. Хасбулатов: Это все у нас записано.

В. Исаков: У вас записано, но у вас этому предшествуют такие оценки... Я ту часть принять не могу. Вы голосовали документ, в котором есть и то, и другое. Извините, но неизвестно, какая часть этого документа выстрелит – первая или вторая.

Также я считаю, что в сложившейся ситуации должны быть созваны и высшие органы власти России. Во-первых, безусловно, Верховный Совет. Но возникшая ситуация носит конституционный характер. Почему в стороне мы опять оставляем Съезд народных депутатов? Я не говорю, что в этой очень острой ситуации завтра созывать Съезд. Я лишь за то, чтобы начать подготовку Съезда народных депутатов.

И я скажу откровенно, Руслан Имранович. Я почувствовал ваше нежелание созывать Съезд народных депутатов России. Действительно, если сейчас собрать Съезд, то в этой ситуации противостояния союзного и российского руководства я отнюдь не уверен, кого поддержит Съезд. Точно так же, как не уверен, что в этой ситуации союзный Съезд поддержит своего Президента, я не уверен, что российской Съезд поддержит российского Президента, который довел ситуацию противостояния до такой остроты. Не уверен!

Не знаю, что Хасбулатов полагал от нас услышать. Вероятно, он ожидал от нас какого-то «ответного хода» – ультиматума, заявления, что «все это подстроено западными спецслужбами», обнародования скандальных компрометирующих документов и т.п. Поскольку этого не случилось, у него заметно отлегло от сердца. Так это всего лишь ваша моральная и правовая позиция? Это – пожалуйста, это сколько угодно! И, придя в благодушное настроение, он позволил себе следующий комментарий:

Документ (стенограмма заседания):

Р. Хасбулатов: Вы как-то правдолюбцем себя пытаетесь представить. Но ведь вы же принимали участие в разработке этого Союзного договора, Владимир Борисович, и теперь говорите, что этот Союзный договор антиконституционен... Ну, конечно. Это же настолько очевидно, вот с позиций сегодняшней Конституции СССР его можно назвать антиконституционным, так. Дело в чем? Дело в том, что признано всеми республиками, всеми общественно-политическими силами, что надо изменить наш строй и соответственно изменить Конституцию...

Последние слова крепко зацепились у меня памяти. Размышляя над ними, я пришел к выводу, что профессор Хасбулатов вольно или невольно дал достаточно точную характеристику августовскому перевороту, его социальному содержанию, подлинным мотивам и движущим силам: это была нелепая, плохо организованная попытка противодействия союзного руководства ползучему изменению социального и государственного строя страны.

15 часов. Выйдя с заседания Президиума, я обнаружил, что обстановка коренным образом изменилась: по радио звучат непрерывные призывы к сопротивлению, в трудовые коллективы Москвы разсланы гонцы. В коридорах Белого Дома появились крепкие ребята с оружием. Подумалось: неужели сегодня прольется кровь? Из-за чего?

Но одновременно ощущается искусственность, неестественность происходящего, какой-то наигрыш, фальшь: телефоны работают, свет горит, водопровод действует, в столовой отлично кормят. Б. Ельцин с командой благополучно прибыли из Архангельского в Дом Советов. Все главные крикуны и бузотеры – на месте, задержали только Т. Гдляна да представителя президента по Москве В. Комчатова.

К вечеру вокруг здания собралась толпа. Баррикадами перегородили не только подходы Дому Советов, но и прилегающие крупные городские магистрали: Краснопресненскую набережную, проспект Калинина (ныне – Новый Арбат – *В.И.*), Садовое кольцо. Естественно, толпы народа хлынули на место событий.

Под стенами здания идет непрерывный митинг. Перед десятками телекамер выступают депутаты, политические деятели. Им с восторгом аплодируют. Средства массовой информации понесут все это по миру. Теперь даже если бросить силу на подавление – бесполезно. Общественное мнение уже сформировано.

В кабинет время от времени заглядывают знакомые депутаты. Возбуждены, глаза блестят. Общее мнение – переворот провалился: «Хунта оказалась хреновая». И с этим трудно не согласиться. В ГКЧП вошли люди, которым пресса уже успела создать негативный образ – В. Павлов, Б. Пуго, Д. Язов, В. Крючков. Сообщение о болезни президента – без документов, врачебного акта – выглядело примитивно и неубедительно. В заявлении ГКЧП, наряду с привлекательными моментами, содержались косвенные нападки на самостоятельность республик, местных Советов, говорилось о необходимости «восстановить Советы, ликвидировать мэрии». Все это отдавало нафталином. Даже президент США Буш и тот назвал этот переворот «старомодным».

Прошел по зданию Белого дома – на всех углах листовки, агитационные материалы. Работает штаб, в котором суетится С. Филатов – отрабатывает в поте лица за свое недавнее заявление с осуждением проекта Союзного договора. Совсем поздно, часов около десяти, внизу началось движение – генерал Лебедь привел на защиту Белого дома свои танки (по радио было объявление, чтобы защитники их пропустили).

20 августа. Ночь провел на стульях, завернувшись в штору, снятую с окна. Уснуть не удалось: жарко, душно. Прямо

под окном поставили танк и дым от работающего мотора затягивает в комнату. Круглосуточно вещает внутреннее радио. В кабинете я его время от времени выключаю, чтобы отдохнуть и собраться с мыслями, но выключить в коридоре – не в моих силах.

Надо отдать им должное, журналисты работают превосходно – ярко, на подъеме. Бесперывным потоком идут комментарии, интервью, репортажи, сводки последних событий. Перед защитниками Белого дома выступают известные артисты. На глазах материализуется, отливается из бронзы с позолотой, тиражируется миллионными тиражами образ ВЕЛИКОГО СОБЫТИЯ. Я ничего подобного никогда не видел.

Горе тому, кто попытается пойти против этой разогнавшейся махины или занять хотя бы независимую позицию. Драматургия «героической пьесы» требует не только героев, но и предателей, изменников, трусов. Не успел и глазом моргнуть – уже оформлен «предателем». Попытался выйти на улицу, обойти баррикады, поговорить с защитниками. Куда там! Набросились с оскорблениями, угрозами. Глаза горят ненавистью. Предатель...

Большинством из тех, кто пришел защищать Белый дом, руководит, это очевидно, высокий светлый порыв. Ребята чувствуют себя причастными к истории, переживают свой звездный час. Морально они на высоте. Как бы мне хотелось быть вместе с ними! Перестать быть «букой», признать «ошибку» и с открытым сердцем выйти навстречу... Примут? Конечно, примут. Раскаявшихся грешников принимают охотно. Так бы, наверное, и поступил, если бы не одна малость: я не понимаю, в чем моя «ошибка». Вновь и вновь перебираю в памяти цепочку событий, свои шаги – и ошибки не нахожу. Ну, не нахожу! А сыграть, сподличать, «изобразить раскаяние» – не сумею.

Подъехал А. Вешняков, рассказал об обстановке в Архангельске. Он с самого начала занял правильную позицию – настоял на неподчинении незаконным решениям ГКЧП.

Под вечер – тревожные сообщения о готовящемся нападении. Якобы к зданию продвигаются танковые колонны, подтягиваются БТРы. Звоню по радиотелефону в машину, прошу проверить. (Шофер, рискуя пропороть шины, в последний момент успел выскочить из гаража и стал в районе «Трехгорки». Правительственный радиотелефон работал.) Водитель обследует на машине «танкоопасное направление» и докладывает: никаких танков нет, на подступах к Белому Дому все спокойно. Тревожную информацию передают, видимо, для поднятия боевого духа защитников...

Наконец, мне все это надоедает, я звоню Хасбулатову, прошу разрешения поехать домой, отоспаться. Он не возражает: «На ваше усмотрение». Отправляюсь домой.

Из дома звоню в «Десну» – там все спокойно, дети накормлены, спят. Наша соседка, Татьяна Васильевна Зверховская, просит не беспокоиться: дети побудут у нее, сколько нужно. Спасибо ей. Звоню в Свердловск: там, конечно, волнуются, но паники нет. Предприятия работают, транспорт ходит. Жена с сыном возвращаются в Москву, уже купили билеты.

До чего же все-таки великое дело – просто залезть под душ! Слышу как по телевидению в программе «Время» передают сообщение: в Москве введен комендантский час...

21 августа. Поспал несколько часов и сел готовиться к очередной сессии Верховного Совета РСФСР. Написал выступление – довольно язвительное. Хотел высмеять и этот горе-переворот, и истерию, которая вокруг него поднята. В машине по радио услышал сообщение: произошло столкновение с войсками, имеются жертвы. Трагедия произошла ночью в районе перекрестка проспекта Калинина и Садового кольца. Войскам был отдан приказ об осуществлении комендантского часа, а демонстранты ему не подчинились. Перегородили троллейбусами автомобильный тоннель под проспектом Калинина и пытались поджечь БТР. Итог: двое демонстрантов

скончались от пулевых ран и один – от наезда БТР. Ну, теперь будет не до смеха! Теперь события развернутся во всю ширь! Кровь и смерть мгновенно превратили нелепый фарс в настоящую трагедию.

22 августа. Сессия началась с жесткого выступления Б.Н. Ельцина, осудившего «преступный режим». Затем – обычный митинг, когда говорят разными словами об одном и том же. Я тоже записался для выступления по электронной системе и – редкий случай – оказался в числе первых. Р. Хасбулатов, как мог, тянул, пропуская вперед других, и дал слово только после перерыва, когда Б. Н. Ельцин вместе с большинством журналистов покинули зал.

Документ (стенограмма внеочередной сессии):

Исаков В.Б.: Не нужно быть специалистом в области права, чтобы понять, что действия так называемого «союзного руководства», связанные с отстранением от власти Президента, созданием Комитета по чрезвычайному положению, есть превышение их полномочий и грубое нарушение Конституций СССР и РСФСР. Именно такую оценку я высказал на заседании Президиума Верховного Совета, не изменилась она и сейчас. К сожалению, ряд средств массовой информации, в том числе и зарубежных, дали совершенно искаженную трактовку позиции моей и позиции Бориса Михайловича Исаева.

Поскольку такой вопрос возникает, я прошу уважаемого Руслана Имрановича опубликовать и раздать текст наших выступлений, ну, по крайней мере, моего выступления, Борис Михайлович, действительно, может и сам за себя сказать. Я не от одного слова в этом выступлении не отказываюсь. Там есть резкие оценки, но брать слова обратно у меня нет никаких оснований...

В оставшиеся у меня две-три минуты я хотел сказать вот о чем. Да, была попытка государственно-го переворота, но давайте мы, народные депутаты, взглянем на медаль с другой стороны. Ведь эта по-

пытка была предпринята далеко не в богатой и процветающей стране, а в условиях жесточайшего кризиса. По сути дела, это была, скажем прямо, нелепая и противоправная попытка найти какие-то выходы из этого кризиса. Потому что предыдущие наши результаты, предыдущие наши попытки, ни к какому результату не привели.

Да, я считаю, что искать выхода такими путями нельзя. (Шум, голоса). Но скажем себе честно, уважаемые депутаты, что и мы ведь выхода пока не нашли! Чрезвычайное положение на территории отменено, но чрезвычайная ситуация сохраняется, и мы столкнемся с ней завтра в полный рост, и нам надо будет искать какие-то новые, действительно эффективные выходы из этой ситуации. Вот первый момент. (Шум, голоса, выкрики).

Второй момент, который я хотел бы отметить. Я не могу согласиться с уважаемым Русланом Имрановичем в том, что против Союзного договора выступали только реакционные силы. Возьмите, пожалуйста, газеты двух-трехдневной давности, там стоят фамилии, мягко говоря, не только реакционеров. Я понимаю тревогу этих депутатов и считаю ее обоснованной. Я полагаю, что работа над Союзным договором должна быть продолжена и на Верховном Совете и на предстоящем Съезде народных депутатов. Задумаемся хотя бы вот над чем. Если бы Союзный договор был подписан, как планировалось, сегодня его подписала бы Россия не в полном составе своей государственной делегации. Это проблема, от которой не уйдешь, проблема, над которой надо будет думать, надо будет работать.

Я предлагаю создать депутатскую комиссию для расследования всех обстоятельств происшедшего. И народные депутаты, и народ должны знать всю правду, в том числе и скрытые пружины этого переворота.

Сразу после моего выступления к микрофону бросился депутат Е.А. Амбарцумов и стеганул за «неточность оценок

и оправдание переворота». После обеда – продолжение сессии, обсуждение и принятие постановления. Начались грубые наскоки на меня и Б. Исаева. Починок: «Позор! Снимать с должности!»

Вечером собрали заседание палаты по этому вопросу. Предложение проголосовать сходу и открытым голосованием не прошло – депутаты не поддержали. Я выступил, ответил на вопросы. Видимо, нашел верный тон, потому что слушали внимательно и не перебивали. Затем настал черед А. Вешнякова. Как ни странно, вопреки справедливости, основной заряд злобных обвинений обрушился именно на него.

На требование подать в отставку я ответил: свою позицию ошибочной не считаю. Если в чем-то неправ – прошу освободить от должности в соответствии с регламентом, тайным голосованием. (Из зала пришла записка: «Владимир Борисович! Не нервничайте, Вы правы. Пусть будет голосование. Только так. Плотников.»)

Но наших «демократов» такой поворот не устраивал: а вдруг не проголосуют? От фракции «Рабочий союз» слово взял депутат Андропов и предложил проголосовать о подтверждении доверия. То есть провести своеобразный «рейтинг популярности». С. Шахрай, присутствовавший на сессии, тут же подтвердил: хотя формально это не является освобождением от должности, тем не менее с морально-политической точки зрения...

Проголосовали – естественно, открытым голосованием. В мою поддержку высказались 14 процентов, в поддержку А. Вешнякова – 8. Вешняков тут же подал в отставку, которая была с удовлетворением принята. Я – подтвердил свою прежнюю позицию: прошу освободить от должности по всей форме, как положено.

С. Шахрай опять взял слово для хитроумного предложения: если сложить вместе отрицательные голоса против Исаева и Вешнякова и поделить их пополам, то, если палата со-

гласится, это можно считать за освобождение от должности... Палата не согласилась.

В президиум доставили поименную распечатку результатов голосования и С. Филатов, который вел заседание, углубился в ее изучение... Ситуация явно зашла в тупик. И тут в зал ворвался депутат Аслаханов: на площади Дзержинского – беспорядки! Толпа стаскивает с пьедестала памятник! Раздаются призывы штурмовать здание КГБ и тогда неизбежны жертвы!

Заседание палаты прервали, депутаты бросились на место событий.

23 августа. С утра – вторая попытка решить «персональный вопрос Исакова В.Б.». Ждали час – не было кворума, палата так и не собралась.

На 16 часов назначена встреча с президентом СССР М. Горбачевым. У Б. Исаева – плохо с сердцем, уговорил его на эту встречу не ходить. Его отвезли домой, а оттуда – в больницу: предынфарктное состояние.

Встреча с М. Горбачевым прошла отвратительно. Депутаты вели себя грубо, вызываясь. Б. Ельцин постоянно одергивал Горбачева, встал и начал пальцем что-то показывать ему прямо на трибуне. Заставил прочитать «стенограмму» – субъективные заметки анонимного участника заседания Кабинета Министров СССР, где давались едкие неллицеприятные характеристики всем его членам. Торжество победившего хамства. И это – в прямой трансляции на всю страну!

В конце заседания вышел Хаджиев, министр СССР, упомянутый в «стенограмме», и заявил, что его вообще не было на том заседании. Ельцин всполошился: как же так, «стенограмма» уже передана в печать, остановить, проверить! Но фальшивка уже ушла в газеты и была опубликована в «Известиях» безо всяких исправлений.

Изюминкой встречи было подписание Б.Н. Ельциным указа о приостановлении деятельности КПСС и аресте ее иму-

щества. Несмотря на слабые протесты Горбачева, который просил действовать в рамках Конституции и законности, указ был со сладострастной улыбкой подписан под аплодисменты присутствующих...

Вечером – еще одна попытка решить мой «персональный вопрос» и вновь безуспешно – снова не было кворума.

24 августа. Сегодня, как и все предыдущие дни, Ельцин пачками подписывает указы, противоречащие как союзной, так и российской Конституции. Особенно негативный резонанс в стране и за рубежом вызвал указ о запрещении газет «Правда», «Советская Россия», «Рабочая трибуна», «Гласность» и ряда других.

26 августа. С утра, в 10 часов – очередная попытка решить «персональный вопрос» и вновь безуспешно – не было кворума. Вопрос отложен до открытия очередной сессии 19 сентября.

Смотрел по трансляции открытие сессии Верховного Совета СССР. Впечатление тяжелое: объяснения, извинения, оправдания... Н. А. Назарбаев: мы ничьим «подбрюшьем» не будем и на роль младшего брата не согласны.

В «Новостях» передают: союзные республики одна за другой принимают акты о государственной независимости.

27 августа. Ответная реакция российского руководства – заявление пресс-секретаря Президента РСФСР Павла Вощина: в случае выхода из Союза, Россия может предъявить территориальные претензии к Украине и Казахстану. Ну, началось...

Взрыв эмоций на сессии Верховного Совета СССР и еще сильнее – в союзных республиках. Делегация России во главе с вице-президентом А. Руцким мечется из Киева в Алма-Ату, пытается загасить разгорающийся пожар. Но как его загасить, если, победив в путче, Россия взяла себе в качестве контрибуции – по существу, захватила – всю союзную собственность?

Какой реакции следовало ожидать со стороны обиженных и оскорбленных союзных республик?

Очевидно, Союз ССР погиб. Об этом говорят все.

28 августа. Второй день сессии Верховного Совета СССР. Идет достаточно вялое обсуждение ситуации. Прошло сообщение о самоубийстве Моисеева. Это четвертое самоубийство после Пуго, Ахромеева, Кручины. Дал несколько интервью в средства массовой информации со своей оценкой ситуации.

На сессии ВС – эмоциональное, но очень недалекое выступление Игитяна, который превознес Хасбулатова до небес.

28 августа (продолжение). Смотрел продолжение сессии по ТВ. Союзный парламент заметно очухался. Самобичевание сократилось, начали нас покусывать.

Вечером пошел на собрание «Дем. России» по проблемам Союзного договора. Выступили Афанасьев, Румянцев, Баткин, Боннэр и др. В целом царил дух умиротворенности только что завоеванной победой. Но в то же время обозначилось разделение «демократов» на фракции и раскол между ними.

Первая фракция отделилась в начале года (точнее, во время 2 Съезда народных депутатов), когда стало ясно, куда идет дело. Затем были временные расколы и коалиции по разным вопросам (по Союзному договору, по приватизации – откололись рабочие). Сейчас наметился новый раскол. Часть «демократов» (Афанасьев, Боннэр, Баткин, Библер и т.д.) призывает идти дальше – к полному разрушению основ государства и его переделке, желательно, под международным контролем. Естественно, что «демократов-государственников» такая перспектива оскорбляет. Третьи (Шустов, Якунин и т.д.) понимают, что народ не будет терпеть бесконечный развал, пора бы и остановиться.

Документ

25–26 августа стало очевидно для всех, что мирная августовская революция в России, начавшаяся в ответ на попытку правящей коммунистической клики повернуть историю вспять и кладущая конец существованию КПСС, КГБ, всего режима, подводит черту также под историей последней мировой империи, т.е. государства СССР и его так называемого Центра...

Можно с разными смешанными чувствами воспринимать развал государства, которое раньше называлось Российской империей, а затем СССР. Но этот свершившийся всемирно-исторический факт должны приветствовать все истинные демократы...

Правда, в некоторых из отделяющихся республик по-прежнему стоят у власти люди и структуры, поспешившие принять переворот, продолжающие массовые нарушения прав человека. Поэтому надо обдумывать, какими сугубо политическими способами можно было бы помочь народам этих республик освободиться от своих деспотий – но без тени великодержавности, без силовых приемов, бескровно, при поддержке мирового сообщества...

Опаснее же всего утверждения о возможных территориальных или имущественных претензиях России к соседним республикам в случае роспуска СССР. Такие высказывания, как мы беремся доказать, бросают вызов здравому историческому смыслу. Они грубо противоречат Хельсинскому соглашению и недавним договорам России с Украиной и Казахстаном. Они способны осложнить положение национальных меньшинств в республиках, прежде всего самого многочисленного, русского, и уж никак не помогают прочно обеспечить права этих меньшинств. Они потенциально грозят самым страшным – разыгрыванием у нас югославского варианта развала коммунистического режима, гражданской войной...

Если мы, российские демократы, хотим – а мы, безусловно, этого хотим и добиваемся! – воссоздания после развала СССР содружества республик в совер-

шенно новым и цивилизованным экономическим и геополитическим пространстве, путь к этому лежит только через безусловный мирный роспуск СССР...

Мы выдвигаем формулу: «Россия – единая и делимая!»

Это означает, что следует безотлагательно выработать новое устройство Федеративной Республики Россия и подготовить выборы в Учредительное собрание России. Мы представляем себе дело таким образом, что по новому Федеративному договору наша Россия будут состоять из крупных региональных краев и национальных республик. Те и другие будут иметь свои краевые и республиканские парламенты, законы, правительства – по типу земель ФРГ. Должен быть создан двухпалатный парламент...

Афанасьев Ю.Н., Баткин Л.М., Библер В.С.,
Боннэр Е.Г., Буртин Ю.Г., Иванов Вяч. Вс.,
Тимофеев Л.М., 28 августа 1991 г., Москва
(«Независимая газета», 3 сентября 1991 г.)

Август-декабрь 1991 года. Государственный переворот всегда имеет определенную логику. Вслед за страхом, отчаянием, сомнением, колебаниями, напряжением, после того как захват власти произошел, наступает интенсивное «освоение» захваченной территории – дележ «трофеев», раздача наград сторонникам, экзекуции и казни противников, расстановка «своих людей» на государственные посты. Все это можно было наблюдать после августа 1991 года.

Выступая 29 августа по «Радио России», Б. Н. Ельцин сказал: «Поражение реакции поставило вопрос: не будут ли злоупотреблять победой демократические силы? Твердо заверяю, партийно-бюрократическая диктатура не сменится диктатурой демократов, тем более российских демократов».

Свежо предание. Реальная политика, как нередко бывает, пошла совсем в другом направлении. В структурах власти, в организациях, учреждениях началось выяснение: где был

19 августа? Что говорил? Кого поддерживал? В государственные органы пачками пошли доносы, с помощью которых пытались расчитаться с врагами, свалить начальника, выбить из седла конкурента... Проявившие «нелояльность» в массовом порядке замещались людьми «демократических» убеждений. В государственный аппарат хлынула волна воинствующей некомпетентной серости.

Чувствуя, что истерия в любой момент может перехлестнуть через край, я собрал все одобрительные письма и телеграммы, пришедшие на мое имя после заявления «шести» и моего выступления на съезде (их набралось более тысячи), вывез за город и сжег в лесу. На душе стало легче: «в случае чего» никого за собой не потяну.

Одной из главных задач переворота было сломить духовно, разрушить материально и организационно главного политического противника «демократов» – коммунистическую партию. Начато это было картинно, садистски-сладострастно, во время встречи 23 августа Президента СССР М. Горбачева с депутатами России в Белом доме. Ельцин вел себя вызывающе, грубо. Подошел к трибуне и, указуя перстом, начал диктовать Горбачеву, что ему следует прочитать. Этот позор, этот срам наблюдала по телевидению вся страна, многие зарубежные государства. Но и это оказалось не все. Достав из папки бумагу, Ельцин зачитал указ о запрещении КПСС. Горбачев пытался слабо протестовать: «Не делайте ошибочных шагов...» Ельцин выдержал картинную паузу и, сильно нажимая пером, подписал. Указ вступал в силу с момента подписания...

Следующим указом были запрещены партийные издания КПСС, а также «за компанию» те, кто позволял себе чрезмерное свободомыслие и критику властей. В любопытном положении оказалась «Комсомольская правда»: ее сначала запретили указом ГКЧП, а затем – прикрыли уже новые власти.

Ну, прямо-таки картинка из «Свадьбы в Малиновке»: «Красные пришли – грабуют, белые пришли – грабуют».

Ограничения свободы печати были произведены без суда и следствия, без выяснения конкретной вины. Но в тот момент мало у кого хватило смелости потребовать соблюдения процессуальных норм. К счастью, вмешались западные правозащитные организации, на которых разгром оппозиционной печати в «демократической» России произвел удручающее впечатление. Под давлением мирового общественного мнения Б. Н. Ельцин вынужден был пойти на попятную – ограничения на выпуск «Правды», «Советской России», «Гласности» и других газет были сняты, хотя незаконно конфискованного имущества им никто, конечно же, не вернул.

Документы

Убивай их, Ланцелот!

Нам непонятно, почему победители, к которым вроде бы принадлежим и мы, счастливо размахивают ушами и дают врагам отделаться легким испугом, собраться с силами и мыслями для нового удара... Коммунистическая печать, науськивающая слабоумных пенсионеров на нашу рахитичную частную собственность, преступна априори, потому что готовит удушение главной свободы – экономической... Не стоит думать, что война окончена. «Теперь то и начнется самое интересное», – сказал Дракон по телевизору десять дней спустя. Кстати, Ланцелот шел убивать Дракона, а не точить с ним парламентские лясы. Действуй, Ланцелот!

(«Московский комсомолец», 26 сентября 1991 г.)

Из жалости я должен быть суровым...

Чем большее расстояние отделяет нас от августовских событий, тем тревожнее и неуютнее становится у меня на душе.